

УДК 1323.1; 322(47+57)1920/1930"

УЧЁТ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1920-30 ГГ.)

Л.Б. КРИСТАЛИНСКИЙ*Национальный институт бизнеса,
г. Москва**e-mail: kris-leon@hotmail.com*

В статье в ретроспективном плане рассматриваются теоретические основы и политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве. Внимание акцентируется на учёте полиэтничности приграничья как факторе принятия политических решений, формирования специфических методов управления и развития пограничной политики советского государства.

Ключевые слова: государственная безопасность, пограничное пространство, приграничный регион, полиэтничность, этнополитический фактор, пограничная политика.

Трагические для Российской империи события Октябрьской революции 1917 г. привели к тому, что единая держава перестала существовать. Сбылось мрачное воззвание М. А. Бакунина, который, желая «обрушения петровскому государству», предрекал: «Мы же сами подтолкнём его [государство] в пропасть, и воля нам! Воля героической Польше! Воля Белоруссии, Литве, Украине! Пусть будет Польшею всё, что хочет быть Польшею. Воля Финляндии! Воля Чухонцам и Латышам в Остзейских провинциях!»¹.

Данная идея была установлена В.И. Лениным в качестве одной из целей деятельности, возглавляемой им партии: «... провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства»². Реализовавшись на практике, она привела к тому, что «национальные окраины» после революций 1917 г. фактически потеряли скрепляющую систему российского управления.

С самого начала существования советского государства стал проявляться деструктивный этнополитический потенциал приграничья. Множество постреволюционных событий на территории бывшей империи указывает на то, что в пограничных пространствах этническая специфика жителей выступала значимым фактором дестабилизации социально-политической обстановки. Например, архивные данные свидетельствуют: «В марте 1918 г. оппозиционная эмиру Бухары партия младобухарцев попыталась поднять восстание ... Восстание закончилось неудачей и привело к разгрому русских посёлков и российской пограничной стражи, стоявшей вдоль бухаро-афганской границы. ... 12800 русских беженцев ушли в Ташкент...»³.

Приведённый факт, как и многие другие, иллюстрирует особенную сложность задачи стабилизации политической ситуации в «национальных окраинах». Этническая специфика многих из них детерминировала попытки политического размежевания коренного населения с большевистским режимом. Так, почти год (с марта 1920 г. по февраль 1921 г.) остро стоял вопрос об отделении Карелии от России.

В г. Ухте в марте 1920 г. на съезде крестьян было создано «Временное Карельское правительство». От его имени представителям советской пограничной охраны было вручено требование об отделении Карелии. Активные действия сепаратистов начались осенью 1920 г., когда началось крестьянское восстание. Мятежников поддержали добровольцы из Финляндии. «К концу декабря их отряды, насчитывавшие от пяти до семи ты-

¹ Бакунин М.А. Народное дело // Бакунин М. Избранные сочинения. Том III. Федерализм, социализм и антитеологизм. Петербург-Москва, 1920. С. 86.

² Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 31. М., 1969. С. 167.

³ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 268. Л. 95,123.

сяч человек, заняли районы Ухты, Кокосальмы, Ругозера, Сегозера и ряд других»⁴. В организации действий восставших значительную роль играл созданный 10 октября 1920 г. в Гельсинфорсе «Карельский союз». Подавить восстание частям Красной Армии удалось только в феврале 1921 г.

Вместе с тем, большинство «национальных окраин» сохранили сложившееся в течение длительного времени тяготение к прежде имперскому центру. Спустя пять лет, образовалось новое государство (СССР) с составом территорий почти тождественным Российской империи. Пограничное пространство Советского Союза при этом во многом было эквивалентно приграничью дореволюционной державы.

Закономерно, что обновление политической системы детерминировало модернизацию всего спектра отношений в сфере государственной безопасности, включая пересмотр её содержания, механизмов обеспечения, специфики проявления на различных территориях страны, в том числе в пограничном пространстве. Естественна и трансформация национальной политики, которая в условиях построения принципиально новой государственной системы стала одним из инструментов реализации властных установок новых руководителей державы.

Теоретические основы советской политической практики реализации интересов государственной безопасности в полиэтничном пограничном пространстве. Теоретической базой формирования советской этнополитики стали труды основоположников коммунизма, мыслителей, развивших указанную теорию, и приверженцев близких идеологических доктрин. Среди таковых следует рассматривать наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, М.А. Бакунина, В.И. Ленина, И.В. Сталина и др.

Основные задачи рабочего класса В. И. Ленин обозначил в статье «О праве наций на самоопределение»⁵. Они впоследствии, судя по национальной политике советского государства, выполнялись буквально, в том числе и в интересах государственной безопасности. «Двусторонняя задача» борьбы «со всяким национализмом» тщательно осуществлялась в отношении «национализма великорусского» (в соответствии с акцентом в статье на внимание к нему «в первую голову»). Особенно явственно его искоренение наблюдалось в приграничных территориях, так как преимущественно они были «национальными окраинами» прежней империи. Так историк В.Ф. Нэх отмечает, что в решениях партийного руководства страны определённно прослеживается не только стремление «сделать более посильными темпы социалистических преобразований для пограничных национальных районов», но нередко и осуществить их «за счёт русского населения окраин»⁶.

В теоретическом обосновании механизмов построения советского государства заметную роль играли и труды И.В. Сталина. Он достаточно жёстко выдвигал положение о недопустимости национальной доминанты над классовой, поскольку национальные интересы и требования «достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперёд или могут двинуть вперёд классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие»⁷. Следовательно, преобладание национального самосознания над классовым может привести к объединению на этнической основе антагонистических буржуазии и пролетариата. В этом случае последний не в состоянии одержать победу.

В императивах советской этнополитики и политики обеспечения государственной безопасности заметна и опора на сталинские тезисы, касающиеся адаптации конституции к местностям отличающимся «своеобразными бытовыми условиями и составом населения». Совершенно чётко обозначена необходимость предоставления права применения «специфической формы» конституции на территориях населённых представителями коренных национальностей. Данная позиция разъясняется не менее чёткой постановкой вопроса об обязательности «добиваться того, чтобы желания этих национальностей были подлинно социал-демократическими». И.В. Сталин в этой связи указывал: «... необходимо

⁴ Нэх В.Ф. История советской пограничной политики: 1917-1941 гг. М., 2008. С. 73.

⁵ См.: Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. М., 2013. С. 73.

⁶ См.: Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). М., 2006. С. 194.

⁷ Сталин И.В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? // Он же. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 42.

в социал-демократическом духе просвещать пролетариев этих национальностей, подвергнуть суровой социал-демократической критике некоторые реакционные «национальные» нравы, обычаи и учреждения...»⁸. Как показала история, «суровой» оказалась не только критика, но и вполне определённые действия советской власти, названные впоследствии репрессиями в отношении отдельных этносов.

В другой работе И.В. Сталин определял «стремление империализма покорить чужие нации и страх этих наций перед угрозой национального порабощения» как значимые факторы обострения межэтнических отношений⁹. Он недвусмысленно указывал на «мировой империализм» как на врага, способного привести к межэтнической дестабилизации. Следовательно, были определены не только обстоятельства, способные нанести ущерб стабильности многонационального советского государства, но обозначена взаимосвязь между устремлениями «мирового империализма» и любой деструктивной деятельностью в межнациональной сфере советской страны. Закономерна, в данной связи, необходимость сосредоточения усилий органов государственной безопасности в пограничном пространстве СССР, и их направленность против «происков мирового империализма» извне. Это следует как из полиэтничности приграничья, так и из возможности проникновения в страну через границу всего того, что способно препятствовать формированию, как указал И.В. Сталин, «мировых основ социалистического хозяйства».

Касательно границ в теории построения советского государства также имелись особенные воззрения, обусловленные революционной идеологией. Взгляды на пограничное пространство не могли избежать влияния своеобразного понимания разграничения территорий, высказанных теоретиками антиимперских мировоззрений. Например, анархист М.А. Бакунин призывал: «Долой искусственные границы, насильно проведённые конгрессами деспотов, ради так называемых исторических, географических, коммерческих, стратегических необходимостей! Не должно быть никаких других границ разделения между нациями, кроме границ, согласных с природою, проведённых справедливо в духе демократии, которые начертает верховная воля самих народов на основании их национальных особенностей!»¹⁰.

Об отсутствии государственных границ, как о далёкой, осознанной, но в большей мере теоретической перспективе заявлял и В.И. Ленин: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы. ... Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия... «Метод» социалистической революции под лозунгом «прочь границы» – это просто каша. Когда социалистическая революция созреет, когда она произойдет, она будет перекидываться в другие страны... Тогда будет верен лозунг «прочь границы», когда социалистическая революция станет реальностью, а не методом...»¹¹.

В последующем в истории советского государства нашли подтверждение конкретно-исторические подходы к значимости границы, определявшие отношение советской власти к ней и приграничью. Была, например, в послереволюционное время готовность правительства большевиков уступать значительные пограничные пространства в обмен на окончание военных действий против социалистической республики («Брестский мир») или для получения экономической выгоды. Так, В. И. Ленин в 1920 г. заявил: «И нам гораздо выгоднее не рисковать, отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, тем более, что фактически мы ею все равно не распоряжаемся и использовать не можем. ... Полтора года назад мы хотели подписать мир, по которому огромная часть земли оставалась Деникину и Колчаку. Они отказались от этого и потеряли всё»¹². Вместе с тем, укоренившись, советская власть твёрдо руководствовалась принципом недопустимости отторжения территории государства. С момента образования СССР (30 декабря 1922 г.) его площадь лишь увеличивалась.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ См.: Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. С. 147.

¹⁰ Бакунин М.А. Воззвание к славянам // Бакунин М. Избранные сочинения. Том III. С. 49.

¹¹ Ленин В.И. Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Он же. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 31. 1969. С. 435-436.

¹² Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Газетный отчёт // Он же. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 42. М., 1970. С. 44.

Государственная граница СССР стала рубежом не только отделявшим его пределы от земель других стран, но и олицетворяла линию раздела идеологий, социально-политических систем, общественно-экономических формаций. Соответственно пограничное пространство имело важное политическое значение. Сфера же государственной безопасности в нём помимо традиционных военного, разведывательного, оперативного, включала также идеологический, психологический, конфессиональный, этнический и другие сегменты, которые определяли политическое содержание и пограничного пространства, и государственной безопасности, и деятельности по её обеспечению уполномоченных органов.

К моменту относительной социально-политической стабилизации постимперской территории и созданию СССР его приграничье в определённой мере отличалось от порубежья Российской империи по конфигурации, национальному составу, религиозным предпочтениям, специфике отношений с сопредельными странами, организацией охраны границы и другим характеристикам. Значимым фактором реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве Советского Союза была его полиэтничность. Порубежье после «трансформации» Российской империи в СССР не перестало быть многонациональным. В.И. Ленин, размышляя о данной специфике державы, выделил отличия, часть из которых явно указывает на эти особенности. Он отмечал, что испытывающие больший социальный гнёт, чем в других странах, «инородцы» составляют большинство российского населения (57%), «населяют как раз окраины» и «имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью».

Закономерно, что этническая специфика пограничного пространства советского государства всегда оказывала влияние на деятельность органов безопасности, что стало очевидным с первых послереволюционных лет. Автор полностью солидарен с мнением историка В.Ф. Нэха, который подчёркивает: «В условиях, когда значительная часть государственной границы проходила по территориям, населённым представителями национальных меньшинств, национальный вопрос играл важнейшую роль в пограничной политике, проводимой советским руководством»¹³.

Этноконфессиональные отношения в политической практике реализации интересов государственной безопасности в приграничье. Несмотря на подробно разработанную марксистами теорию первичности классовой общности трудящихся разных стран, национальностей, вероисповедания и т.п., на практике далеко не всегда население окраинных регионов страны предпочитало пролетарскую солидарность привычным ценностям. Несмотря на отрицание необходимости религии, советское государство придавало важное значение реальности её влияния на население. Например, с учётом практической целесообразности Совет Народных Комиссаров уже 3 декабря 1917 г. принимает обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которое было призвано привлечь эту категорию граждан на сторону революционеров.

Однако, религиозность населения вообще и приграничья в частности воспринималась как негативный фактор для интересов государственной безопасности, особенно, в периферийных территориях державы. В данной связи профессор Г.П. Герейханов, говоря о Северном Кавказе 1930-х гг., отмечает: «Любая социальная активность мусульман, проявленная в указанный период, отождествлялась с антигосударственной деятельностью»¹⁴. Но нельзя сказать, что этнорелигиозный фактор в советском государстве учитывался только относительно ислама.

Важное значение придавалось католическому фактору в пограничном пространстве Украины и Белоруссии, которые были населены поляками, исторически исповедавшими католицизм. В западном приграничье борьба с его влиянием выходила на приоритетные позиции. Так, исследователь В.Ф. Нэх, ссылаясь на архивные источники, пишет: «В ходе обследования западной пограничной полосы в 1927 г. отмечалось: «Особо следует остановиться на положении в национальных районах. Здесь приходится констатировать почти безграничное влияние ксендза. ... Среди польской молодёжи почти открыто ведётся агитация за вступление в случае войны в польскую армию, причём в этой агита-

¹³ Нэх В. Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 191.

¹⁴ Герейханов Г.П. Мусульманская умма: исторический опыт интеграции и современность. М., 2011. С. 198.

ции деятельное участие принимает большая часть польского учредительства, также находящегося под большим влиянием ксендзов»¹⁵.

На другой приграничной территории (Бурятия) беспокойство советского руководства вызывало распространение буддизма. Архивные материалы, датированные 1926 г. («Ламский вопрос в Бурятии. Материалы и документы»), свидетельствуют: «... Бурятия, несмотря на её советизацию, твёрдую государственную границу и её охрану, в лице своего ламства имеет тесные сношения, взаимную и постоянную информацию не только с соседней Монголией, но и с Тибетом во главе с далай-ламой. ... ламство претендует на власть, политическое и экономическое его укрепление недопустимо»¹⁶.

Приведённые тезисы, по мнению автора, в определённой мере отражают причины, которые обусловили активизацию атеистической деятельности государства. Марксистская теория, как говорилось выше, предусматривала в качестве объединяющей идеи классовую общность. Следовательно, всё, что могло быть ей противопоставлено (в том числе и религия) в интересах государственной безопасности должно было искореняться. Советскому правительству необходимо было противостоять конфессиональному сплочению населения, в особенности приграничных регионов.

Активный атеистический процесс был активизирован государством со второй половины 1920-х гг. В указанный период вышел ряд нормативных актов, регламентирующих атеистические действия государственных органов (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г., Инструкция НКВД «Оправах и обязанностях религиозных объединений» от 10.10.1929 г., Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 15.02.1930 г. и др.). В интересах атеизации общества широко использовался потенциал театров, снимались антирелигиозные фильмы, создавались музеи атеизма (в 1930 г. их было 44), публиковалась антирелигиозная литература на 88 языках и наречиях народов СССР, все советские радиостанции передавали программы союза Воинствующих Безбожников на четырнадцать языках¹⁷.

Следует отметить, что антирелигиозная борьба в СССР проводилась в отношении всех конфессий. В Союзе Воинствующих Безбожников имела, например, антикатолическая секция национальных меньшинств. Кроме того, в 1929 г. была организована польская антикатолическая секция воинствующих безбожников, которая должна была заниматься поляками, проживающими на приграничных территориях. Специально для них вся антирелигиозная литература издавалась на польском языке¹⁸. О деисламизации красноречиво свидетельствуют данные исследователя А.В. Малашенко: за вторую половину 1920-х гг. (к 1930 г.) в СССР было закрыто 70% мечетей, 90-97% мулл и муэдзинов лишились возможности вести религиозную деятельность¹⁹.

В силу исторической «конфигурации» пограничного пространства Советского Союза религиозная принадлежность значительной части его населения соответствовала традиционным вероисповеданиям, распространённым прежде в «национальных окраинах» Российской империи. Следовательно, вектор борьбы с религией в приграничье был направлен наряду с православием, преимущественно на ислам (Кавказ, Средняя Азия), католицизм (запад Украины и Белоруссии, Прибалтика), буддизм (Забайкалье).

Вместе с тем, в руководстве страны имелось вполне осознанное отношение к реальностям, связанным с религиозными предпочтениями населения. Вполне естественно, что в течение нескольких лет искоренить подобного масштаба духовное явление невозможно. Поэтому в интересах державы параллельно с повсеместной атеистической кампанией практиковались и отдельные факты принятия решений, призванных по отдельным вопросам учесть и упорядочить отношение государства с приверженцами тех или иных религиозных течений. Например, касательно пограничного пространства подобный факт

¹⁵ Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 198.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 54. Л. 99, 100-101.

¹⁷ См.: Пасечник О.А. Римско-католическая церковь в Каменец-подольской (Хмельницкой) области в 1920-1941 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exercises.comxa.com/_ii/2__cof2e5e8e7e0f6e8ff_eee1f9e5f1f2e2e0.html

¹⁸ См.: Стронский Г. Приречена на мовчанья. Римо-католицька Церква на Україні в 20-30-і роки // Людина і Світ, 1994. Н.3-4, С. 19.

¹⁹ См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 15.

упоминает историк В.Ф. Нэх: «В начале 30-х годов Политбюро ВКП(б) принимает специальное решение о том, что советским исмаилитам [таджики и памирцы, исповедующие соответствующее ответвление ислама] позволяется беспрепятственно вывозить серебро в качестве закята для своего духовного лидера Ага-хана. Эта мера, несомненно, должна была обеспечить сотрудничество исмаилитского населения с пограничниками и прекратить конфликты с ними на религиозной почве...»²⁰.

Таким образом, важным направлением реализации этнополитических положений теории марксизма, адаптированной В.И. Лениным и И.В. Сталиным к российской действительности, было системное искоренение религиозных отношений из жизни советского общества. Государственная практика снижения роли религии в жизни советского общества имела системную направленность на явление как таковое, а не в отношении его разновидностей. Объектом атеистической деятельности государства являлись все конфессии, приверженцы которых проживали в СССР.

Приграничье, как «фасад» советской власти в «национальных» регионах. Определённый интерес представляет политическая практика советского государства, направленная на создание позитивного имиджа советского народа как социальной общности «нового типа». Значительная роль в этом отводилась приграничным регионам, а предметом демонстрации подчёркнутого благополучия определялись национальные административно-территориальные образования.

Нельзя не согласиться с мнением эксперта В.Ф. Нэха, который констатирует: «В сопредельных государствах, особенно населённых родственными народами, необходимо было, с одной стороны создать представление о том, что советская власть удовлетворяет национальные интересы этнических меньшинств в пограничных районах СССР, а с другой – использовать этнические противоречия в сопредельных государствах для усиления своего влияния на них и создание буферных зон ... приграничные территории, населённые национальными меньшинствами, рассматриваются как витрина для привлечения симпатий сопредельных народов и как плацдарм для ведения революционной войны»²¹.

Необходимость приоритетного развития национальных приграничных территорий понимали не только руководители страны, но и местное управление. Например, для увеличения преференций в полной мере использовало значение своего региона как «витрины» социализма руководство Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики. Её руководитель, апеллируя к этнической близости, культурной общности, религиозной принадлежности и равной хозяйственно-бытовой практике народов, разделённых Государственной границей СССР на «бурятском» участке писал: «Буреспублика одна из тех национальных автономных единиц, которая не только территориально прилегает к соседней Монголии, Тану-Туве и Китаю, но и в своей повседневной работе имеет постоянную связь с указанными странами. ... В Буреспублику приезжают и проезжают через неё представители Монголии, Китая и Тибета. Буреспублика должна, как в зеркале, отражать всю политику СССР в деле хозяйственного и культурного возрождения отсталых народов под эгидой советской власти»²². Сами же преференции подобным национальным субъектам заключались, как свидетельствуют архивные источники, в дополнительных поставках финансовых средств и продовольствия, увеличении финансирования культуры, снижение налогов и др.

Национальный вопрос в кадровой политике советской власти в пограничном пространстве. Большое внимание советская власть уделяла вопросам комплектования национальными кадрами государственных институтов. В первую очередь это касалось партийных органов. В этой сфере дискриминация представителей местных этнических групп в любой форме не допускалась. Показательно, например, следующее постановление политбюро ВКП(б) от 17 апреля 1923 г.: «ЦИКам Республик ускорить организацию национальных советов, добиваться более полного участия трудящихся национальных меньшинств в Советах и Исполкомах, увеличить сеть национальных школ, снабдить пограничную полосу национальной литературой, строго преследовать случаи административного насилия и грубого отношения к национальным меньшинствам. Соответствующим ЦК национальных компартий

²⁰ Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 200.

²¹ Там же. С. 191-192.

²² Там же. С. 193.

усилить погранполосу работниками из национальных меньшинств. Партийным организациям усилить работу среди национальных меньшинств»²³.

Многонациональность страны вообще и её пограничного пространства в частности влияла и на кадровую политику органов безопасности. Первым таким институтом стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК)²⁴. Понимание необходимости активного участия коренного населения в её деятельности отражено, например, в письме к В. И. Ленину Ф. Э. Дзержинского. Работая в г. Харькове, он писал: «В области моей специальности здесь обильный урожай... Громадной помехой в борьбе – отсутствие чекистов-украинцев»²⁵. Отсутствие преданных и профессиональных чекистов из представителей коренного населения было «помехой» и в других национальных регионах.

В пополнении органов ВЧК значительную роль играли партийные мобилизации. Ротация же сотрудников учитывала знание ими национальных обычаев и традиций населения, а также владение языком коренных жителей. При этом, как отмечают эксперты «Даже в очень трудные годы было запрещено откомандирование чекистов из национальных районов»²⁶. Таким образом, всемерная помощь национальным органам ВЧК была важнейшим направлением кадровой работы органов безопасности.

Вместе с тем активное вовлечение в их деятельность коренного населения приграничья имело как позитивный, так и значительный негативный потенциал. Естественно, что представители местного населения в качестве пограничников вызывали большее доверие жителей «национального» порубежья. Однако, как пишет В. Ф. Нэх «... включение в состав погранохраны представителей национальных меньшинств создавало основу для сговора на этнической или конфессиональной почве пограничников и нарушителей границы или пограничного режима. В многонациональных коллективах возникали конфликты на этнической основе. Были случаи и прямого предательства представителей национальных меньшинств»²⁷. Во многом данные обстоятельства были причиной доминирования на должностях командиров в пограничных органах русскоязычных сотрудников.

Этнический фактор в советской пограничной политике. Использование национального фактора в значительной мере характеризовало и пограничную политику советского руководства. Его учёт позволял определённым образом регулировать этнические отношения в советском приграничье, выстраивая позитивные контакты с руководством и пограничными властями сопредельного государства. Данные отношения также строились в интересах влияния СССР на национальные отношения за пределами советской территории. Необходимо отметить, что характер данного направления пограничной политики не был одинаковым на всех участках государственной границы. Деятельность пограничных органов в этническом аспекте тщательно дифференцировалась в зависимости от конкретно-политических условий, глубокого анализа предполагаемых последствий и складывающейся практики международных отношений с сопредельной страной (странами).

Примером такого дифференцированного отношения СССР к участию в этнополитических процессах у своих границ может быть позиция по вопросу права этнических общностей на самоопределение. Так, в Румынии и Польше СССР активно поддерживал стремление этнических молдаван, украинцев и белорусов на воссоединение Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии соответственно с Молдавской автономной республикой, с Украинской и Белорусской республиками. При этом, как свидетельствуют архивные данные, использовался широкий спектр методов поддержки: от дипломатического влияния до оказания финансовой помощи этническим движениям, а научной элите даже выплачивались пособия в валюте²⁸.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л. 12.

²⁴ См.: Постановление СНК о создании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г.; Постановление СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 14505 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leninism.su/works/115-conspect/4238-v-i-lenin-i-vehk-chast-1.html?showall=&start=4>

²⁶ Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 447.

²⁷ Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 201.

²⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 1.

Вместе с тем, в отношениях с другим государством – Турцией подобного рода устремления этнических меньшинств сдерживались. Например, в апреле 1930 г. Политбюро требовало «... немедленно и решительно прекратить всякую работу против Турции в Лазистане. Закрыть издающуюся в Абхазии газету для турецких лазов»²⁹.

Выводы. Революционное применение положений коммунистической теории на практике привело в СССР к искоренению многовекового российского опыта реализации интересов государственной безопасности в условиях многонациональности приграничья. Советская власть стала вырабатывать собственные подходы и приёмы обеспечения государственной безопасности в обновлённом пограничном пространстве.

Особое значение в приграничье приобретала борьба с религией, что обуславливалось не только исторической спецификой этноконфессиональных предпочтений его жителей, но и их религиозной общностью с населением сопредельных государств. В определённых условиях данное обстоятельство способно создавать риски для интересов государственной безопасности. Снижение же роли религиозного фактора в формировании духовной общности населения в рамках идеологии советской державы являлось необходимым условием укрепления государственной безопасности.

В значительной мере интересами государственной безопасности было обусловлено и преимущественное развитие национальных районов приграничья, что не только уменьшало вероятность возникновения протестных настроений его коренного населения, но и формировало у него патриотические чувства. Следовательно, снижался внутренний деструктивный потенциал посягательств на политический строй СССР, и обеспечивалась возможность развития всей державы. Внешнеполитический имиджевый эффект заключался в создании всесторонне развитого советского приграничья, бывшего прежде отсталыми «национальными окраинами».

Трансграничный характер советской этнополитики отражал её направленность на создание в пограничном пространстве условий, способствующих реализации интересов государственной безопасности. Сами же указанные условия формировались с опорой на этнополитические интересы приграничного населения.

Таким образом, многонациональность пограничного пространства в советском государстве обусловила процессы формирования широкого спектра управленческих механизмов, способов урегулирования религиозных противоречий, моделей межкультурного взаимодействия, технологий демографической политики, методов стабилизации хозяйственно-бытовых отношений. Преимущественно их содержание отличалось от соответствующей политической практики Российской империи. Иными были и результаты, что необходимо рассматривать в рамках другой работы.

ACCOUNTING POLY-ETHNICITY OF THE SOVIET EDGE OF SPACE IN PURSUING THE INTERESTS OF STATE SECURITY AFTER THE OCTOBER REVOLUTION (1920-30)

L.B. KRISTALINSKIY

*National Institute
of Business, Moscow*

e-mail: kris-leon@hotmail.com

In the article political practice of realization of interests of state security in the border space is considered in retrospect. It emphasizes on considering poly-ethnicity of borderland as a factor in political decision-making, formation of specific management practices and development of the border policy of the Soviet state.

Key words: state security, boundary space, frontier region, poly-ethnicity, ethno-political factor, border policy.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 145.